

После появления Юань Хуая Академия Пустоши начала стремительно меняться.

Хотя за три долгих года тяжёлых ранений Хай Чэнь и остальные никогда не переставали бороться, надежда в их сердцах уже почти угасла — остались лишь крошечные искры.

Приход Юань Хуая разжёл эти искры вновь, и в Академии Пустоши снова закипела жизнь.

Каждый вечер, когда солнце клонилось к закату, из комнат Кай Мой и остальных начинали доноситься приглушённые, но весьма выразительные крики боли.

Ранее Юань Хуай не зря предупреждал их — лекарственная ванна, хоть и звучала просто, на деле вовсе не была лёгким испытанием.

Травы, входившие в её состав, были редчайшими целебными сокровищами. Они стремительно восстанавливали тело, но вместе с тем причиняли мучительную боль.

Каждый день перед закатом Юань Хуай раздавал им свежие травы, приготовленные для вечерних ванн, а затем лично отправлялся готовить лекарство для Хай Чэня.

В своём пространственном кольце Юань Хуай не имел готовых пилюль, зато запасов лечебных трав у него было неисчерпаемо много.

Ванна Хай Чэня требовала куда больше усилий, чем у остальных. Для неё он использовал не просто воду — это была живая родниковая влага из его внутреннего мира, насыщенная духовной энергией. Её нужно было нагревать собственным духовным пламенем, и потому такую ванну мог приготовить только он сам.

Но во время первой процедуры произошло нечто... неловкое.

Впрочем, неловкость ощущал только Хай Чэнь — сам Юань Хуай так не считал.

После того как Кай Мой с остальными выкатил бочки для лекарственных ванн, Юань Хуай быстро разложил нужные травы, наполнил бадью до краёв и подогрел воду. От жидкости исходил мягкий травяной аромат, а поверхность мерцала нежно-зелёным светом.

— Хорошо, — кивнул он, обернувшись к Хай Чэню. — Снимай одежду.

И, не раздумывая, потянулся расстегнуть пуговицы на его рубашке.

В глазах Юань Хуая Хай Чэнь был всего лишь молодым человеком, учеником. Оба они — мужчины, что тут стесняться?

Но стоило ему только расстегнуть первую пуговицу, как Хай Чэнь перехватил его руку.

— Подожди, — хрипло произнёс он.

Юань Хуай даже не дрогнул — просто отшлёпал его по руке:

— Быстрее. Время не ждёт.

Если ещё немного потянуть, духовное тепло рассеется, и целебный эффект пропадёт.

Хай Чэнь вздрогнул от лёгкого удара, но снова попытался удержать его руку.

Брови Юань Хуая нахмурились, голос стал холодным:

— Отпусти.

Хай Чэнь отвёл взгляд в сторону, избегая встретиться с ним глазами.

— Я... сам.

Юань Хуай на миг застыл, изучая его лицо, и вдруг, вопреки сказанному, уверенно расстегнул ещё две пуговицы. Он слегка наклонился ближе, всматриваясь в его побледневшие черты.

Кожа Хай Чэня и без того была белой, а теперь даже лёгкий румянец проступал слишком заметно — особенно на ушах, которые вспыхнули алым.

— О, — только и произнёс Юань Хуай безо всяких эмоций и отступил.

Он убрал с плеча длинную прядь чёрных волос, затем щёлкнул пальцами — и в воздухе появились два бумажных человечка, уродливых до комичности.

— Помогите ему раздеться и сесть в ванну, — спокойно распорядился он.

Бумажные фигурки зашевелились, покачиваясь на своих тонких ножках, и приблизились к Хай Чэню. Тот на этот раз не стал сопротивляться, лишь бросил взгляд на всё ещё стоящего в комнате Юань Хуая.

Тот слегка приподнял бровь, молча развернулся и направился к двери.

Хай Чэнь с облегчением выдохнул и позволил фигуркам снять верхнюю одежду.

Но вдруг Юань Хуай снова обернулся. Его чёрные глаза скользнули по телу Хай Чэня — худому, ослабленному после ран, с уродливыми шрамами, пересекающими грудь и живот.

— Слишком худой, — тихо заметил он.

Хай Чэнь вздрогнул, будто хотел прикрыться, но не стал.

Он лишь опустил взгляд, глядя на своё тело — на тонкие руки, на изрезанную рубцами кожу. Он знал: выглядит жалко. И уродливо.

— Я... красивый? — вдруг спросил Юань Хуай.

Хай Чэнь удивлённо поднял голову.

Перед ним стоял мужчина в белом одеянии, совершенно не вписывающемся в здешнюю обстановку. Длинные, до пояса, чёрные волосы были аккуратно собраны, черты лица — утончённые, словно нарисованные кистью художника.

Он лениво опирался на дверной косяк, спокойным взглядом глядя прямо в глаза.

Хай Чэнь не смог соврать:

— Красивый.

Юань Хуай едва заметно улыбнулся, развернулся и бросил через плечо:

— Я тоже так думаю.

Он вышел из комнаты, прогуливаясь по коридору, а уголки его губ сами собой приподнялись.

Этот Хай Чэнь становился всё интереснее.

Достав из рукава браслет — ту самую «световую манжету», что он одолжил у Хай Чэня, — Юань Хуай уже научился с ней обращаться.

Первым делом он открыл финансовый счёт Хай Чэня, и, увидев крошечные цифры на балансе, только фыркнул с презрением. Затем тут же зашёл на торговую платформу, намереваясь заказать местные продукты — ведь новый мир должен радовать новыми вкусами.

Он жил почти две тысячи лет. Пусть тысячу из них уже не нуждался в пище, но любил вкусное по-прежнему. Пусть еда и не приносила пользы, а иногда даже вредила телу, он всё равно ел — ведь очистить тело от примесей ему не составляло труда.

Однако чем дальше он листал меню, тем мрачнее становилось его лицо.

— Огромный особый помидор... двадцать тысяч кредитов за штуку. Мясо мутировавшего барана... пятьдесят тысяч за фунт...

Строка за строкой — и всё одно: цены неприличные.

Он сжал браслет так сильно, что тот едва не треснул.

С равнодушным выражением лица Юань Хуай выключил устройство и решительно направился обратно к комнате Хай Чэня.

Распахнув дверь, он проигнорировал то, как тот неловко опустился глубже в воду, и сурово спросил:

— Что вы обычно едите?

Хай Чэнь чуть удивлённо распахнул глаза — его алые зрачки стали ещё круглее, делая выражение лица неожиданно мягким.

Но Юань Хуай не обращал внимания. Он был слишком раздражён тем, что не может позволить себе даже ужин.

Хай Чэнь указал рукой, с которой ещё поднимался пар, на шкаф у окна:

— Питательные жидкости. Вон там.

Юань Хуай открыл шкаф и увидел ряд маленьких коробочек с прозрачными трубочками. На упаковке крупно значилось: «Безвкусная питательная смесь».

Он вскрыл одну, попробовал — и замер.

Лицо его исказилось.

Это было... хуже простой воды.

С мрачным видом он вернулся к ванне, протянул Хай Чэню коробочку:

— Уже открыл. Не трать впустую. Твоя.

Хай Чэнь молча взял её и проводил взглядом Юань Хуая, который, всё так же нахмурившись, покинул комнату.

Два уродливых бумажных человечка стояли по обе стороны ванны, недвижимые, словно часовые, создавая зловеще-комичную сцену.

Хай Чэнь не обращал на них внимания. Он смотрел на трубочку, к которой только что прикасались губы Юань Хуая.

На ней осталась тонкая влага.

В голове снова прозвучал спокойный голос: «Не трать впустую.»

Он медленно поднял руку, приблизил трубочку к губам...

и в последний миг резко отпустил. Коробочка упала в воду.

Хай Чэнь замер, потом вытащил её, откинул в сторону.

Сердце билось гулко, дыхание сбилось.

Белые мокрые волосы упали вперёд, скрывая его лицо.

А Юань Хуай в это время стоял у двери комнаты Кай Мой, слушая его мучительные вопли.

Он даже не подозревал, какие мысли бурлили у Хай Чэня.

С интересом наблюдая, как Кай Мой «героически» переносит боль, Юань Хуай отметил, что из всех троих — Кай Мой, Чэн Си и Ини — самой стойкой оказалась именно Ини, а вот самый рассудительный Кай Мой кричал громче всех.

Только когда насытился этим своеобразным концертом, он почувствовал, что настроение улучшилось, и ушёл в выделенную ему комнату, чтобы закрыться на несколько дней.

Следующие дни он почти не выходил — лишь раз в сутки, чтобы приготовить травы для ванн и подогреть воду Хай Чэню.

Перед ним громоздились горы старых энергетических блоков — хлама, собранного у ребят. Всё, что у них осталось за три года: дешёвые, устаревшие источники питания, которыми они подогревали разве что воду.

Юань Хуай пытался напитать их своей духовной силой, превратив в пригодные и продать — ведь нужны деньги.

Но всё оказалось не так просто. Его духовная сила была слишком чистой, слишком мощной — при малейшей ошибке блоки просто взрывались.

Когда очередной кусок пластика рассыпался в пыль, он с усилием подавил раздражение и снова взял новый.

Так прошла неделя.

На седьмой день, когда настало время менять состав лекарственных ванн, Юань Хуай наконец вышел из комнаты.

Белые одежды на нём по-прежнему были безукоризненно чисты, волосы не выбились из причёски, но в глубине глаз поселилась мрачная тьма — следствие семидневного терпения.

Войдя в комнату Хай Чэня, он увидел, что все уже собрались и ждут его.

Они знали, чем он занимался, и понимали, насколько это трудно.

Попытка оживить одноразовые энергетические блоки звучала невозможной даже для гения, потому никто не смел мешать.

Юань Хуай подошёл к Кай Мою, схватил его за запястье и быстро проверил пульс.

И вдруг — свет за окном померк.

Время было полдень, солнце стояло в зените. Почему же стало темно?

Все бросились к окну и увидели, как из неба медленно спускается огромный боевой корабль. На его корме развевался пиратский флаг.

Только выглядел он странно: рядом с черепом и костями красовалось огромное нарисованное сердце.

Кай Мой напрягся:

— Опять они? Эти ребята переоценивают нас, калек. В прошлый раз уже притворялись пиратами, а теперь что, решили повторить?

Хай Чэнь, прищурившись, долго всматривался в флаг и наконец произнёс:

— Нет. Это настоящие пираты.

Ини уже взвалила на плечо тяжёлую механическую пушку:

— Да они что, совсем с ума сошли? Напасть на этот забытый всеми камень, где даже птицы не летают!

Юань Хуай подошёл ближе, глядя на приближающийся корабль, и вдруг тихо спросил:

— Пираты... они ведь богаты, да?

Чэн Си моргнул, решив, что ослышался:

— Что?

Юань Хуай протянул руку к Ини:

— Дай сюда свою пушку.

Ини растерянно передала оружие. В следующее мгновение Юань Хуай, держа тяжёлую пушку одной рукой, выпрыгнул из окна и направился прямо к спускающемуся пиратскому кораблю.

Кай Мой опустил собственное оружие, ошеломлённо выдохнув:

— Он что, собирается... ограбить пиратов?!

<http://bllate.org/book/14432/1276154>